

ДИНАМИКА МЕНТАЛЬНОСТИ В ТРАНСФОРМИРУЮЩИХСЯ ОБЩЕСТВАХ

Размышления на тему политических преобразований и отношений собственности являются существенными с точки зрения трансформации государственного строя, тем не менее они должны быть дополнены знаниями из области суждений, убеждений и предпочтений индивида, т. е. того, что называется «менталитетом». В анализе менталитета обществ Центральной и Восточной Европы приобретает особое значение конструкт индивидуализм-коллективизм. Он проявляется в широко понимаемой характеристике культур, социально-политических систем, а также в функционирующих в них людях. Как понимать этот конструкт на культурном и психологическом уровнях? Почему индивидуалистический менталитет должен был бы детерминировать эффективное функционирование в новой общественно-политической системе? В данной статье автор принял попытку дать ответы на эти вопросы с позиций социальной психологии.

DYNAMICS OF MENTALITY IN TRANSFORMING SOCIETIES

Reflections on political reforms and property relations are essential in terms of a state system transformation. However they should be supplemented with a person's opinion, beliefs and preferences, that is, "mentality". The individualism-collectivism construction acquires a special meaning in the analysis of societies' mentality in Central and Eastern Europe. It appears in widely understandable characteristics of cultures, sociopolitical systems and people functioning in them. How should we understand this construction at the cultural and psychological levels? Why is the individualist mentality expected to determine effective functioning in the new sociopolitical system? The author of the article makes an attempt to solve these problems from the position of social psychology.

Трансформация государственного строя в странах Центральной и Восточной Европы преследовала цели изменения широко понимаемого общественного порядка и коснулась основ политической и экономической системы. Она была направлена на введение демократических основ и рыночной экономики. Данные перемены опираются в меньшей либо большей степени на модели социальных структур, существующие в западно-европейских странах, хотя и принимающие в случае каждой из трансформирующихся стран свою форму. Анализ трансформации в странах Центральной и Восточной Европы ставит ряд вопросов. Какова связь между формой государственного строя и менталитетом общества? Является ли изменение человеческого менталитета необходимым условием трансформации на макросоциальном уровне? А если это так, в каком направлении изменяется менталитет? Ответы на эти вопросы позволяют определить психологические барьеры в развитии капитализма и демократии. Как отмечает П. Боский¹, реализация определенных решений в области политических систем требует создания психологических условий, без которых люди не захотят либо не смогут осуществить логические принципы системы. Подобных взглядов придерживается Е. В. Фещенко²: пока проводимые реформы и рыночные преобразования не будут осознаны на ментальном уровне, они не дадут эффективного результата.

Параметром менталитета, в контексте которого обоснованным представляется ана-

лиз изменений в политической системе постсоциалистических стран, является противостояние между индивидуализмом и коллективизмом. Индивидуалистический менталитет характерен в большей степени для западного общества, в котором рыночная экономика выступает в общности с политической демократией. Страны Центральной и Восточной Европы характеризует ввиду их культурного наследия более сильный коллективизм. В соответствии с убеждениями многочисленных теоретиков³, данным странам следует избрать индивидуализм в качестве направления изменения менталитета, поскольку именно индивидуализм в большей степени приспособлен к новым принципам государственной системы и обуславливает их более успешную реализацию.

Теоретические рассуждения, равно как и эмпирические исследования в области изменений менталитета в плоскости коллективизм-индивидуализм, требуют более точного определения смысла этих понятий и выяснения, почему противостояние между коллективизмом и индивидуализмом должно быть ключевой категорией характеристики менталитета в период трансформации государственного строя.

Параметр «коллективизм-индивидуализм» — уровень культурного анализа

В общественных науках понятие «коллективизм-индивидуализм» стало популярным со времени исследований, осуществленных Дж. Хофстеде⁴. Автор предложил классификацию культур на основе до-

минирующих в них ценностей. Исследования опирались на 117 000 ответов на вопросы анкетирования сотрудников американской фирмы, в которой работали лица разных национальностей (представители 53 стран). Противопоставляя коллективизм индивидуализму, Дж. Хофстеде идентифицировал одно из важнейших параметров культурной неоднородности (три остальные параметрами были: дистанция власти, избегание неопределенности, маскулинность — феминность). Он указывал, что культурным влиянием обусловлена в значительной степени концепция собственной личности, концепция других людей, как и отношения между этими категориями (отношение «я — другие»). Культура, будучи собранием накопленных веками ценностей и убеждений, обладает возможностями креации человека и программирования его сознания.

Д. Ойзерман и Х. Р. Маркус⁵ указывают, что понятие «я» в значительной мере зависит от социальных репрезентаций, т. е. убеждений и верований, разделяемых данной общественной группой. Социально-культурная среда облегчает и продвигает специфические способы определения собственной личности и направляет формирование идентичности. Она играет важную роль в детерминации того, каким образом человек воспринимает себя и других, что думает и чувствует, каким образом мотивируются его действия, как он ведет себя. Люди создают, как правило, такое «я», которое является типичным для данного социально-культурного контекста и высоко в этом контексте оценивается. В этом смысле культура «встроена» в личность, в то время как «я» становится местом, в котором концентрируется социально-культурное влияние среды. Подобный подход не отрицает роль индивида в создании собственного «я», придании когерентности и сохранении позитивности. Он указывает скорее на то, что среда поставляет запас информации, образующий наши знания. Эти знания направляют создание свой-

ственных для данной культуры психологических конструктов. Они, в свою очередь, влияют на природу опыта, его познавательные, эмоциональные и мотивационные аспекты, детерминируют формы организации общественной жизни и функционирование в обществе. Понятие «я» связано с нормативными целями, реализации которых различные культуры требуют от своих представителей⁶.

Конструкт индивидуализм-коллективизм указывает на два качественно различных принципа, определяющих отношения между личностью и группой. Дж. Хофстеде⁷ определяет коллективизм как склонность к постановке потребностей группы над потребностями личности, индивидуализм — как склонность к постановке потребностей личности над потребностями группы. Дифференциация этих потребностей связана, по мнению автора, с типом межличностных связей, характеризующих данную культуру. Индивидуализм характеризуется свободными отношениями между людьми, в коллективизме, в свою очередь, акцентируется значимость отношений между личностью и социальным окружением.

Существо коллективизма в нормативной взаимозависимости: сильные связи между людьми. Значение человека и его реализация выражается, главным образом, через связи с другими, эти отношения формализованы и связаны в рамках социальной организации⁸. Связь личности с группой стабильна (личность неохотно меняет группу) даже в том случае, если в отношении личности выдвигаются высокие требования⁹.

Культурный императив в виде требования сохранения взаимоотношений между личностями играет важную роль в процессе определения собственной личности и приводит к специфической конструкции «я», называемой взаимозависимым «я»¹⁰. Личности со сформировавшимся взаимозависимым «я» описывают себя как элементы широкого коллектива и поддаются

анализу через призму отношений с другими. Они считают, что их собственное поведение детерминировано воспринимаемыми ими мыслями, чувствами и мотивами других людей. Формирование «я» и признание ценности собственной личности (эвальвация «я») неразрывно связаны с социальным контекстом¹¹.

В коллективистических культурах проявляется стремление к благу группы и тем самым признается преобладание групповых целей над личными целями (часто человек не отличает собственных целей от целей группы). Достижения трактуются в групповых категориях. Личность обязана быть лояльной, склонной к самопожертвованию, действовать в интересах группы и руководствоваться интересами группы (тенденция деления благами). Чаще избирается такое поведение, которое способствует отдаленному благу группы и совершенствует связи с группой, причем данная связь опирается на идентификации с группой как единым целым. Одновременно группа отвечает за личность¹².

Сильные связи между членами группы, как и ориентация на благо сообщества, к которому ты принадлежишь, детерминируют качество и интенсивность интерперсональных контактов. Личности, функционирующие в коллективистических культурах, получают информацию о своей среде и ведут себя таким образом, чтобы сохранять наибольшую гармонию внутри группы¹³. Подчеркивается забота о других, заинтересованность другими и деятельное участие в решении их проблем. В социализации упор делается на сотрудничество, обязательства формирования взаимозависимости между членами группы (семья, национальность, племя), ответственность за других, согласие в совместной жизни и избегание конфликтов¹⁴. Структура мотивов коллективиста отражает прежде всего восприимчивость к мыслям и чувствам других, лояльность по отношению к партнеру, при одновременной склонности к ограничению собственных потребностей и

желаний (личные затраты нередко превышают пользу)¹⁵.

Концентрация на интерперсональном аспекте связей с другими людьми влияет на высокую оценку эмоций, связанных с общественными отношениями. К таким эмоциям относятся чувство дружбы, симпатия, эмпатия, эмоциональная привязанность, чувство близости и уважения¹⁶. Придается значение совместным эмоциональным переживаниям — как состояниям, противоположным ощущению независимости. Позитивно воспринимаются личности, открывающиеся перед другими, склонные к откровениям. Гармония в интерперсональных контактах поддерживается посредством оказания уважения, демонстрации покорности и обеспечения другим условий для «сохранения лица» в неоднозначных общественных ситуациях¹⁷. В процессе коммуникации коллективисты обнаруживают большую восприимчивость к чувствам партнера и охотнее объясняются косвенным образом. Формулируя словесное заявление, они обращают внимание на контекст. Важны высота голоса, осанка, зрительный контакт и сопутствующие жесты. Они негативно относятся к молчанию¹⁸.

Внутригрупповые связи прочны и настолько интенсивны, что их сохранение важно даже в конфликтных ситуациях¹⁹. Коллективисты избегают ситуаций, угрожающих гармонии отношений, а если подобные возникают — применяют методы разрешения конфликтов, не портя отношений²⁰. Они склонны защищать членов своей группы, совершая поступки, нарушающие право. Групповая принадлежность настолько важна, что человек часто отказывается от совершения выбора. Более того, совершение выбора не оценивается особенно позитивно. Чувство собственной ценности вытекает из факта «быть вместе» и опирается на общественные связи.

Преобладание социальной ориентации над личностной ориентацией демонстрируется также в системах ценностей. Цен-

ности отражают потребность интеграции и гармонических отношений между людьми. Они связаны с защитой других людей, интересами коллектива, уважением старших, признанием традиций (религии), сохранением общественного порядка, взвешенными взглядами, безопасностью, интерперсональной и интраперсональной гармонией. Типические ценности в коллективистической культуре это: искренность, вежливость, послушание, скромность, способность к сочувствию²¹.

Помощь членам группы признается основной обязанностью и не связывается с фактом симпатии²². Одновременно мораль коллективистов более контекстуальна. К примеру, ложь одобряется, если она защищает и помогает членам группы. Мораль не является обязательной вообще, но обязательна в отношении своей социальной среды. Чувство стыда, появляющееся в случае неосуществления ожиданий группы, становится важным механизмом общественного контроля (меньшее значение в регулировании поведения имеет чувство вины).

В социализации упор сделан на улучшение «я». Выборочно обращается внимание на негативные черты (конструктивный критицизм) и принимаются меры по их исключению. Проявляется более сильная мотивировка предпринимаемых усилий в ситуации, когда человек переживает поражение и ощущает собственную слабость²³. Одновременно ребенка учат кооперации, солидности, надежности. Подчеркивается ответственность в отношении собственной группы, послушание²⁴.

Люди в коллективистических культурах формируют свое поведение на основе норм, функционирующих в данной группе. Интернализация общих поведенческих норм влияет, в свою очередь, на похожесть поведения личностей, принадлежащих к данной группе²⁵. Одновременно групповые нормы регулируют исполнение ролей. Желательной является способность воплощения в данную роль и приспособление к ее требованиям. Человек явственно детерми-

рован обязанностями, связанными с исполнением роли, что вытекает из факта принадлежности к семье либо обществу. Моральной считается та личность, которая ведет себя в соответствии с ролью, назначенной ей членами группы. Принятие общих норм, а также функционирование в соответствии с ролью, определенной группой, детерминирует значительный уровень конформизма: активность личности подчиняется требованиям группы, в то время как групповые действия получают преимущество перед действиями индивидуальными.

В культурах с преобладанием коллективистической ориентации действия в большей мере концентрируются на ситуации, нежели на личности. Черты и способности трактуются как нечто менее важное и главное в регулировании поведения. При выяснении действий идет поиск информации вне личности, при обращении к контексту либо к требованиям группы. Вырисовывается отчетливое различие между общественным и частным поведением²⁶.

Среди коллективистов проявляется различие между собственной и чужой группой: позитивное отношение проявляется в отношении членов своей группы, негативное — в отношении членов чужой группы. Люди демонстрируют гармонию внутри группы, однако целое общество может быть охарактеризовано как дисгармоническое и полное диссонансов. Отношения в собственной группе опираются на принцип эмоциональной связи, отношения с людьми вне группы — на принципах соперничества. Коллективистические склонности изменяются в зависимости от того, в какую группу входит человек, и, как правило, члены чужой группы трактуются более индивидуалистически, нежели члены собственной группы²⁷. В крайних ситуациях коллективистический образец идентификации, связанный с сильными позитивными установками в отношении собственной группы, может высвободить внегрупповую нетолерантность. Ее проявление представляется

наиболее возможным в случае угрозы и критики группы²⁸.

В индивидуалистских культурах отношения между людьми свободные, ограниченные во временном отношении и детерминированы выбором субъекта. Человек не стремится к прочной идентификации с группой и не формулирует определенных требований в отношении группы. Выявляется большая эмоциональная дистанция (эмоциональное разъединение с группой) и чувство инаковости. Люди чаще оставляют группы, которые формулируют неудобные для них требования. Они чувствуют удовлетворение, когда встречают новых людей и создают новые группы. Они быстро приобретают друзей, причем дружба не идентифицируется (как в коллективистической культуре) с долгими и интимными отношениями. В сближении с другими людьми упор делается скорее на рациональный анализ выгод и потерь.

У лиц, социализированных в индивидуалистских культурах, более вероятным представляется формирование независимого «я». Человек определяет себя как личность, выделившуюся из социальной среды, уникальную и автономную, не связанную с другими людьми, группами или институтами. В такой личности интернализован культурный приказ быть независимым от других, а также стремление открытия и выражения своих неповторимых черт. Поведение приобретает смысл в том случае, если оно анализируется применительно к собственным, внутренним мыслям, чувствам и поступкам, а не — как в случае взаимозависимого «я» — применительно к мыслям, чувствам и действиям других людей.

В индивидуалистских культурах проявляется большая заинтересованность собственной личностью (ориентация на личное благо), нежели благополучием группы, и в связи с этим акцептируется первенство личных целей перед групповыми целями. Личности обладают многими правами и имеют мало обязанностей в отношении

собственной группы. Нормальным признается тот факт, что люди учитывают собственные выгоды, руководствуются принципами гедонизма, игнорируя потребности общества, семьи или первичной группы. Одновременно собственная группа дает меньше социальной поддержки и безопасности: человек осознает, что может надеяться только на себя и может доверять собственной компетенции. Это связано с развитием чувства личной ответственности.

Индивидуализм отражается в стремлении к личным достижениям, усилении соперничества, креативности, склонности к доминированию и оказанию общественного влияния. Личность стремится к самореализации, самоактуализации и ощущает потребность развития способностей и осуществления своих возможностей. Она старается достичь самообеспеченности, чтобы быть независимой от группы. Мотивационная структура индивидуалистов отражает, таким образом, их собственные предпочтения, потребности, права и контракты, которые объединяют их с другими людьми и которые не обязаны соответствовать групповым целям²⁹.

Положительные эмоции возникают в том случае, когда человек может дистанцироваться от группы и прийти к выводу, что он уникален, что он «наилучший» на свете. Чувство собственной ценности зависит от способности самовыражения, а также индивидуальных успехов и достижений, которые обеспечивают занятие определенного положения в обществе. Оно вытекает из факта «быть впереди», а не из факта «быть вместе».

В индивидуалистских культурах более вероятным является мышление о себе в позитивных категориях. Экспонирование своих достоинств, формирование чувства собственной ценности и подчеркивание уверенности в себе является одним из приемов социализации. Этот прием, однако, может привести к тому, что личность будет воспринимать себя в нереальных позитивных категориях и характеризоваться завы-

шенным чувством компетенции, неоправданным оптимизмом, а также слишком высоким чувством внутреннего контроля.

В воспитании ребенка подчеркивается также значение эксплорации, креативности, независимости взглядов и возможности совершения выбора³⁰. Таким образом, важной частью идентичности индивидуалиста становится персональная автономия, а принятым принципом осуществления активности – реализация установленных для себя целей и программ. Возможность совершения выбора оценивается позитивно и вызывает положительные эмоции.

Личности в индивидуалистских культурах предрасположены к использованию коммуникации низкого контекста. Они изъясняются непосредственно, открыто, обращая внимание на языковую точность. Они обнаруживают меньшую концентрацию на чувствах партнера интеракции, хотя ценят способности в области прочтения намерений партнера. Они также обнаруживают тенденции к общению в соответствии с их собственными чувствами и концентрируются на удовлетворении тем, что было сказано.

Ощущения независимости и автономии, равно как и слабая идентификация с группой, вызывают иные способы реагирования в конфликтных ситуациях. Индивидуалисты не стремятся к достижению согласия, но склонны к конфронтации и разрешению споров в суде. Они в первую очередь концентрируются на уважении принципов справедливости, даже если эти принципы активизируются в отношении к членам собственной группы³¹.

Индивидуалистические культуры выделяют ценности, которые сконцентрированы на собственной личности. Они связаны с социальным статусом и престижем, свободой выбора, независимостью мышления и действия, личным успехом, достижениями, самостоятельностью, интеллектуальной компетенцией, потребностью стимуляции, гедонизмом (собственные удовольствия)³².

Моральное поведение, к примеру помощь, видится как личный выбор и менее связано с чувством обязанности оказания помощи семье либо друзьям. Более типичными являются внутренние механизмы контроля, такие как чувство вины (люди реже реагируют проявлением чувства стыда).

В индивидуалистических культурах наблюдается более сильный акцент на установки, более слабый – на нормы и роли³³. Личность воспринимается как релятивно стабильная во времени и описывается в категориях прочных черт индивидуальности, которые делают возможным предвидение поведения. Индивидуалист стремится к выражению своих черт и осуществляет их выражение таким образом, чтобы они были уникальными по отношению к окружающим. В категориях личностной характеристики он также выясняет собственные достижения³⁴. Высоко оценивается соответствие поведения с собственным «я» и соответствия общественного и частного поведения. Индивидуалисты также охотнее используют черты в описании других людей и при определении причин их поведения³⁵. Они в большей степени обращают внимание на установки людей, способности и достижения, нежели на членство или позицию в группе.

В индивидуалистских культурах не обозначено резкое разделение людей на своих и чужих. Это разделение не имеет функционального значения в случае, когда общество складывается из отдельных личностей, человек же строит отношения с другими людьми, руководствуясь собственным выбором.

Параметр «коллективизм-индивидуализм» – уровень личностного анализа

Конструкт индивидуализм-коллективизм оказался полезным в описании культурных различий. Исследования касались, как правило, крайних с точки зрения менталитета обществ, т. е. противопоставлялись западные индивидуалистические об-

щества коллективистическим, азиатским обществам. Тем не менее, различия на уровне индивидуализм-коллективизм наблюдаются между лицами, принадлежащими к одной культурной общности. Это означает, что люди отличаются степенью, в которой отражают на психологическом уровне особенности, свойственные данной культуре. Выделение индивидуалистической либо коллективистической ориентации связано с развитием специфической формы идентичности (identity), т. е. личностной идентичности (personal identity) либо социальной идентичности (social identity).

Личностная идентичность, как указывает Я. Рейковский³⁶, предполагает представление себя как уникального существа, что проявляется в склонности мышления в категориях «я». Социальная идентичность, в свою очередь, предполагает трактовку собственной личности как принадлежащей к группе, которую характеризует стремление к мышлению в категориях «мы». Формирование обеих форм идентичности происходит на пути различных психологических процессов: индивидуации (individuation) (разъединение, выделение, дифференциация, обособление, отчуждение) и идентификации (identification) (совмещение, объединение, отождествление, уподобление)³⁷. И. С. Мухина³⁸ замечает, что индивидуация (утверждение собственной самостоятельности в процессе социализации) и идентификация (вхождение в системы мотивов, целей и ценностей другого познаваемого человека) — это «парный механизм, определяющий развитие, бытие и становление индивида в системе общественных отношений». Б. Ф. Ломов³⁹ понимает развитие человека как диалектическое сочетание этих процессов. С одной стороны, осуществляется процесс дифференциации между «я» и «не-я» (выделение из среды других физических и общественных объектов). С другой стороны, осуществляется процесс включения себя в определенное общественное целое либо отождествление

с ним, что связано с фиксацией своего сходства с другими либо своей принадлежности к определенному общественному целому⁴⁰. Процессы дифференциации и отождествления связаны с различным методом видения «социального мира»: как складывающегося из отдельных элементов либо из больших совокупностей. Благодаря процессам индивидуации происходит формирование личностной идентичности, благодаря процессам идентификации — социальной идентичности⁴¹.

Одновременно следует подчеркнуть, что процессы индивидуации и идентификации являются основой формирования структуры «я» всех людей. У всех людей наблюдается проявление обеих форм идентичности. Однако они могут различаться по степени отчетливости и играть разную роль в системе регуляции. Как замечают П. Гурин и Г. Р. Маркус, у одних людей более явственна личностная идентичность, у других — социальная идентичность, причем эти различия имеют относительно прочный характер.

На преобладание той или иной формы идентичности решающее влияние в значительной мере оказывают общественные факторы. Люди, различающиеся в области культурного опыта, различаются также уровнем образования и легкостью актуализации личностной либо социальной идентичности⁴². И хотя одна из форм идентичности прочно доминирует, под влиянием определенных ситуационных раздражителей может произойти переключение состояний идентичности. Это означает, что в различных ситуациях у одного и того же человека может быть актуализирована идентичность социальная либо личностная.

Подводя итоги: процесс идентификации и формирование социальной идентичности является основой коллективистической ориентации. Процесс индивидуации и формирование личностной идентичности является, в свою очередь, основой индивидуалистической ориентации. Коллекти-

визм и индивидуализм могут, таким образом, сосуществовать у одного и того же человека и лежат в основе формирования относительно прочных форм менталитета. Преобладание одной из них обуславливается культурной социализацией⁴³. Различия между людьми связаны с тем, которая из ориентаций доминирует в типичных общественных ситуациях, а также с тем, в каком общественном контексте высвобождается каждая из них. Определенные ситуации могут вызывать активизацию той формы менталитета, которая не является определяющей для данной культуры.

Ментальная обусловленность трансформации общественной системы

Конструкт индивидуализм-коллективизм модифицирует широкий класс переменных. Принятие во внимание этого конструкта в условиях глобальных изменений государственного строя, подобных тем, которые наблюдаются в странах Центральной и Восточной Европы, представляется обоснованным. И здесь возникает вопрос: какая из этих двух форм менталитета способствует экономическому развитию и развитию демократии?

Индивидуализм является основополагающим признаком либеральной доктрины, в которой «общее благо» понимается как сумма личностных стремлений, а не как результат их подавления. Права личности ненарушаемы и стоят над обществом, ненарушаема и неограниченна свобода человека⁴⁴. Экономическая версия либерализма (а такая в первую очередь интересует страны Центральной и Восточной Европы) относится к функционированию обществ в особом измерении. Она демонстрирует принципы, которые играют важную роль в экономической продукции, т. е. принципы рыночной экономики, соперничества и получения максимальной прибыли. Они, как легко заметить, сильно связаны с капитализмом. «Двигателем развития» капитализма считается, по крайней мере в ис-

тории западного общества, индивидуалистический менталитет. Подтверждение подобной зависимости мы находим в работе Дж. Хофстеде⁴⁵. Он показывает, что уровень национального дохода коррелирует с уровнем культурного индивидуализма ($r = 0,84$ в 53 странах). С другой стороны, индивидуалистический менталитет признается следствием экономического успеха. По мнению Г. Ц. Триандиса⁴⁶, богатство стран становится необходимым условием развития индивидуалистической культуры. Достаток освобождает от групповой зависимости и делает возможной реализацию индивидуальной активности, а та, в свою очередь, влечет за собой инновации и экономическое развитие⁴⁷. Индивидуализм, таким образом, сильно связан с развитием капитализма: он способствует экономическому развитию и сам является эффектом такого прогресса. Одновременно, как не верждают И. А. Ванделло и Д. Коэн⁴⁸, индивидуалисты в сфере идеологии имеют в большей степени склонность к акцептации либерализма.

С индивидуализмом связаны не только технический прогресс и благосостояние, но также тип политического строя, сложность форм культуры и отношение к традициям. По мнению многих теоретиков, демократия (во всяком случае в ее либеральной версии) требует принятия характерных для индивидуализма межлических связей и личностных свойств⁴⁹. Одновременно в индивидуалистических культурах становится возможным проявление главных для демократии ценностей, которыми являются свобода и права человека. В свою очередь, отношение к демократии и оценка собственного функционирования в этой системе в значительной мере зависят от уровня акцептации индивидуалистических ценностей, которые лежат в основе таких психических черт, как стремление к свободе и независимости, самоконтроль, чувство личной ответственности и креативность⁵⁰.

Н. А. Бердаев⁵¹, характеризуя индивидуалистический менталитет с позиции фило-

софских наук, указывает, что для индивидуалиста «свобода является прежде всего правом на неравенство. Равенство является прежде всего покушением на свободу, ограничением свободы. Свобода живого существа, а не математического пункта, реализуется в качественной инаковости, в возвеличивании в праве на увеличение размера и качества жизни. В свою очередь, равенство выступает против всякого рода качественного отличия и качественного содержания жизни, против всякого права на возвеличивание». Подобную характеристику на социологическом уровне представил Х. Доманьский⁵²: «Индивидуалист — это тот, кто в своих действиях, касающихся профессиональной карьеры и материальных дел, занимается самим собой, действуя с убеждением, что собственные усилия и упорство в стремлении к цели являются лучшей гарантией достижений. Он ощущает себя хозяином своей судьбы. Индивидуалисты ставят перед собой долговременные цели, отделяя их от судьбы семьи, профессиональной группы, народа или вообще коллектива; если же учитывают интересы общности, в которой функционируют, то помещают ее на второй план». Определяющей чертой индивидуалистического менталитета является, таким образом, направленность действий личности на достижение и успех, являющиеся результатом собственных усилий, что в дальнейшем детерминирует экономическое развитие, цивилизационный, научный и технологический прогресс целых обществ. Аргументация такого рода популярна со времен Д. Мак-Клелланда⁵³, который полагал, что мотивация достижений является необходимым условием экономического развития. Низкий уровень мотивации достижений исключает четкое функционирование рыночной экономики, в то время как возрастание мотивации создает надежду на улучшение экономического развития. Более поздние исследования, осуществленные в различных странах мира, подтверждают тезис о связи

между усилением мотивации достижений в данной культуре и экономическим развитием⁵⁴.

В индивидуализме ценность человека измеряется его достижениями, которые, в свою очередь, связаны с умениями, которыми обладает человек. Типичная для индивидуализма концентрация на компетенции личности и ее совершенствовании очень важна с точки зрения экономического развития. Каждому человеку дается шанс развития и демонстрации своей компетентности, которую можно осуществить наилучшим образом путем свободного соревнования и конкуренции. Соперничество способствует большей креативности и продуктивности, вовлечению в бизнес и рыночное предпринимательство⁵⁵.

Индивидуалист полагается в большей степени на самого себя. Такого человека характеризует стремление к экономической независимости, склонность к самостоятельному определению стандартов и целей и независимость в их реализации. Следствием являются большее доверие к самому себе, большая отвага и креативность. Такая типичная для индивидуалиста черта личности как ментальная открытость, увеличивает терпимость личности, к социальным переменам и возможности приспособления к конкретным условиям нового экономического строя — в особенности к широко понимаемому «рынку»⁵⁶.

В связи с представленными выше рассуждениями, изменения менталитета посткоммунистических обществ в направлении индивидуализма уничтожают важный барьер в трансформации государственного строя.

Оправданным представляется одновременно вопрос, почему коллективистический менталитет должен был бы препятствовать изменениям в общественной системе. Либо иначе, можно ли считать коллективистический менталитет одной из психологических причин политико-экономических проблем в странах Центральной и Восточной Европы?

В период, предшествующий трансформации, в странах этого региона апробировалась коллективистическая идеология, согласно которой идентичность человека дефинировалась через его групповую принадлежность (семья, организация, посредством которой он функционировал, или государство). Устанавливался определенный образец отношений личности и государства: личность подчинялась государству, государство, в свою очередь, отвечало за личность, заботилось о ней и обеспечивало безопасность. Подчеркивалась роль социальной группы (либо общества), что приводило к доминированию групповых целей над личными. Большое значение в функционировании общества придавалось следующим ценностям: социальная гармония, групповая солидарность, чувство ответственности, т. е. тем, которые противодействуют групповым конфликтам и обеспечивают безопасность⁵⁷. Высоко оценивалось одобрение определенной идеологии, а также поведение, соответствующее общепринятым нормам⁵⁸.

Требование солидарности, единства, гармонии, правильности, конформизма в отношении общественных потребностей и уважения традиций обеспечивает безопасность, однако ограничивает свободу личности (право принимать решения) и детерминирует рецептивную установку: люди становятся осторожными, ищут помощи и отказываются от своих честолюбивых притязаний. Таким образом, коллективизм опирается на ценности, ориентированные на продолжение, способствуют в большей мере стагнации и «стиранию различий», нежели переменам, ограничивают стремление к плюрализму и возможности распоряжаться самим собой (самостоятельности, самоопределения), соперничества и конкуренции. Коллективистические ценности противодействуют конфликтам между людьми, однако одновременно могут ограничивать реализацию принципов демократии (демократические принципы ориентированы на плюрализм, свободу и права лич-

ности) и тормозить развитие капитализма (принципы экономического либерализма ориентируются на индивидуальные достижения и опираются на конкуренцию). Преодоление коллективизма в сфере ментальности должно, таким образом, способствовать развитию демократических установок, помочь гражданам стать независимыми от государства и развить активность в достижении собственных целей (предприимчивость) и, как следствие, привести к экономическому развитию страны⁵⁹.

Вышеприведенная аргументация представляется теоретически целостной, тем не менее она отражает исторический опыт только части обществ. И хотя не подлежит сомнению, что триада: капитализм-демократия-индивидуализм присутствовала в развитии западных стран, это не означает, что экономический прогресс может иметь место лишь в индивидуалистически ориентированных странах. На это указывают хотя бы успехи в экономической области стран Дальнего Востока, т. е. тех, которые отличаются крайним коллективизмом. К примеру, И. Мисуми отмечает, что экономический прогресс в Японии был достигнут благодаря сильным связям между людьми, связям, которые не опирались на негативные эмоции, связанные с конкурентным подходом к жизни. В случае этих стран потребность достижений признается также за важную психологическую причину экономического развития, однако определяется она в групповых категориях. Успеха добивается не личность, а группа, к которой личность принадлежит. Люди привыкли к кооперации, солидарности и ответственности по отношению к членам группы. И, что интереснее всего, неудачи (а не успех) влияют на более сильную мотивацию усилий: критика, таким образом, носит конструктивный характер (ср. описание коллективизма, приведенное выше). В свете этих фактов можно задуматься, не являются ли страны Центральной и Восточной Европы «недостаточно» коллективистическими.

Не вполне очевидным является ответ на вопрос, почему индивидуалистический менталитет должен способствовать развитию демократии. Демократия реализует идеи свободы и автономии личности, которые ассоциируются с индивидуализмом, но одновременно реализуются и идеи равенства и братства, которые, в свою очередь, можно считать показателями коллективизма. Принцип соединения демократии с индивидуализмом был опровергнут в публикации П. Боского. Он указывал, что, по крайней мере, на польской почве индивидуализм является негативным предсказателем продемократической ориентации, хотя позитивным — для ориентации прокапиталистической. Одновременно люди, настроенные против бизнеса, характеризовались более сильными продемократическими социальными уста-

новками. По мнению автора, результаты исследований разрушают миф о неразлучности политической демократии и рыночной экономики. Обе сферы жизни имеют противоположные психологические механизмы: рыночной экономике способствует индивидуализм, за демократию отвечает иной параметр менталитета, определяемый понятием гуманизма. Гуманизм характеризуется, в свою очередь, сильным родством с коллективизмом. В контексте приведенных результатов исследований можно сделать вывод, что изменения в менталитете в направлении индивидуализма желательны скорее с точки зрения экономических перемен (и то в том случае, если опустить информацию об «азиатском чуде»). Связь индивидуализма с демократией носит уже, по крайней мере, спорный характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Boski P.* Humanizm, indywidualizm-kolektywizm a rozumienie i preferencje ładu demokratycznego. W: J. Reykowski (red.), *Potoczne wyobrażenia o demokracji. Psychologiczne uwarunkowania i konsekwencje.* — Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Psychologii PAN, 1995.

² *Фещенко Е. В.* Менталитет человека, его эволюция и особенности в Западной Европе и в России. — Новосибирск: НГАЭиУ, 1999.

³ *Schwartz S. H.* Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. In: M. P. Zanna (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 25). — Orlando, FL: Academic Press, 1992; *Ślomoński K. M., Janicka K., Mach B. W., Zaborowski W.* Struktura społeczna a osobowość. Psychologiczne funkcjonowanie jednostki w warunkach zmiany społecznej. — Warszawa: IfiS, 1996.

⁴ *Лебедева Н. М.* Введение в этическую и кросс-культурную психологию. — М.: Издательский дом «Ключ», 1999; *Пищик В. И.* Исследование понятия «коллективизм/индивидуализм» // *Вопр. психологии.* — 2006. — № 2. — С. 30; *Hofstede G.* Culture's consequences: International differences in work-related values. — Beverly Hills, CA: Sage, 1980.

⁵ *Oyserman D., Markus H.* The sociocultural self. In: J. Suls (Ed.) // *Psychological perspectives on the self* (Vol. 4). — Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1993.

⁶ *Church A. T.* Culture and personality: Toward an integrated cultural trait psychology // *Journal of Personality.* — 2000. — N 69. — P. 651–703; *Heine S. J., Lehman D. R.* The cultural construction of self-enhancement: An examination of group-serving biases // *Journal of Personality and Social Psychology.* — 1997. — N 72. — P. 1268–1283; *Kitayama S., Markus H. R., Matsumoto H., Norasakkunkit V.* Individual and collective processes in construction of the self: Self-enhancement in the United States and self-criticism in Japan // *Journal of Personality and Social Psychology.* — 1997. — N 72. — P. 1245–1267; *Markus H. R., Kitayama S.* Culture and the self: Implications for cognition, emotion and motivation // *Psychological Review.* — 1991. — N 98. — P. 224–253; *Markus H. R., Kitayama S.* Cultural variation in self-concept. In: G. R. Goethals, J. Strauss (Eds.), *Multidisciplinary perspectives on the self.* — New York: Springer-Verlag, 1991; *Shweder R. A., Bourne E. J.* Does the concept of the person vary cross-culturally? In: R. A. Shweder,

R.A. LeVine (Eds.), *Culture theory: Essays on mind, self and emotion*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

⁷ Hofstede G. Op. cit.

⁸ Триандис Г. Индивидуализм и коллективизм: прошлое, настоящее и будущее // Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. – СПб.: Питер, 2003; Shweder R. A., Bourne E. J. Does the concept of the person vary cross-culturally? In: A. J. Marsella, G. M. White (Eds.), *Cultural conceptions of mental health and therapy*. – New York: Reidel, 1982; Triandis H. C. Individualism-collectivism and personality // *Journal of Personality*. – 2001. – N 69. – P. 907–924.

⁹ Oyserman D., Markus H. Op. cit.; Triandis H. C., Bontempo R., Villareal M. J., Asai M., Luce N. Individualism and collectivism: Cross-cultural perspectives on self-ingroup relationships // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1988. – N 54. – P. 323–338.

¹⁰ Markus H. R., Kitayama S. Culture and the self: Implications for cognition, emotion and motivation // *Psychological Review*. – 1991. – N 98. – P. 224–253; Oyserman D., Markus H. Op. cit.

¹¹ Shweder R. A., Bourne E. J. Op. cit.

¹² Hofstede G. Op. cit.

¹³ Markus H. R., Kitayama S. Op. cit.

¹⁴ Heine S. J., Kitayama S., Lehman D. R., Takata T., Ide E., Leung C., Matsumoto H. Divergent consequences of success and failure in Japan and North America: An Investigation of self-improving motivations and malleable selves // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2001. – N 81. – P. 599–615.

¹⁵ Moskowitz D. S., Suh E. J., Desaulniers J. Situational influences on gender differences in agency and communion // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1994. – N 66. – P. 753–761.

¹⁶ Jarymowicz M. O godzeniu wody z ogniem: związki kolektywizmu z indywidualizmem. W: B. Wojciszke, M. Jarymowicz (red.), *Psychologia rozumienia zjawisk społecznych*. – Warszawa: PWN, 1999; Kitayama S., Markus H. R. Yin and yang of the Japanese self: The cultural psychology of personality coherence. In: D. Cervone, Y. Shoda (Eds.), *The coherence of personality: Social cognitive bases of personality consistency, variability, and organization*. – New York: Guilford, 1999; Kitayama S., Markus H. R. The pursuit of happiness and the realization of sympathy: Cultural patterns of self, social relations, and well-being. In E. Diener, E. Suh (Eds.), *Subjective well-being across cultures*. – Cambridge, MA: MIT Press, 2000; Matsumoto D., Weissman M. D., Preston F., Brown B. R., Kupperbusch C. Context specific measurement of individualism-collectivism on the individual level. The Individualism–Collectivism, Interpersonal Assessment Inventory // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. – 1997. – N 28. – P. 743–767; Triandis H. C. Collectivism vs. individualism: A reconceptualization of a basic concept of cross-cultural psychology. In: G. K. Verma, C. Bagley (Eds.), *Cross-cultural studies of personality, attitudes and cognition*. – London: Macmillan, 1988; Triandis H. C., Gelfand M. J. Converging measurement of horizontal and vertical individualism and collectivism // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1998. – N 74. – P. 118–128.

¹⁷ Wheeler L., Reis H. T., Bond M. H. Collectivism-individualism in everyday social life: The middle kingdom and the melting pot // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1989. – N 57. – P. 79–86.

¹⁸ Мацумото Д. Культура и эмоции // Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. – СПб.: Питер, 2003; Gudykunst W. B., Matsumoto Y. Cross-cultural variability of communication in personal relationships. In: W. B. Gudykunst, S. Ting-Toomey, T. Nishida (Eds.), *Communication in personal relationship across culture*. – Thousand Oaks, CA: Sage, 1996.

¹⁹ Ohbuchi K-I., Fukushima O., Tedeschi J. T. Cultural values in conflict management: Goal orientation, goal attainment, and tactical decision // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. – 1999. – N 30. – P. 51–71.

²⁰ Leung K. Negotiation and reward allocations across cultures. In: P.C. Earley, M. Erez (Eds.), *New perspectives on international industrial and organizational psychology*. – San Francisco: Lexington Press, 1997; Lewis C. C. *Educating hearts and minds*. – Cambridge, England: Cambridge University Press, 1995.

²¹ Markus H. R., Kitayama S. The cultural psychology of personality // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. – 1998. – N 29. – P. 63–87; Schwartz S. H., Bilsky W. Toward a theory of the universal content and structure of values: Extensions and cross-cultural replications // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1990. – N 58. – P. 878–891.

²² Миллер Дж. Культура и нравственное развитие // Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. – СПб.: Питер, 2003; Miller J. G. Cultural conceptions of duty. In D. Munro, J. E. Schumaker,

S. C. Carr (Eds.), *Motivation and culture*. – New York: Routledge, 1997; *Miller J. G., Bersoff D. M.* The role of liking in perceptions of the moral responsibility to help: A cultural perspective // *Journal of Experimental Social Psychology*. – 1998. – N 34. – P. 443–469.

²³ *Heine S. J.* Self as cultural product: An examination of East Asian and North American selves // *Journal of Personality*. – 2001. – N 69. – P. 881–906.

²⁴ *Dion K. L., Dion K. K., Keelan J. P.* Appearance anxiety as a dimension of social- evaluative anxiety: Exploring the ugly duckling syndrome // *Contemporary Social Psychology*. – 1990. – N 14. – P. 220–224.

²⁵ *Mills J., Clark M. S.* Exchange and communal relationship. In: L. Wheeler (Ed.), *Review of personality and social psychology* (Vol. 3). – Beverly Hills, CA: Sage, 1982.

²⁶ *Choi I., Nisbett R. E., Norenzayan A.* Causal attribution across cultures: Variation and universality // *Psychological Bulletin*. – 1999. – N 125. – P. 47–63.

²⁷ *Hui C. H.* Measurement of individualism-collectivism // *Journal of Research in Personality*. – 1988. – N 22. – P. 17–36; *Rhee E., Uleman J. S., Lee K. K.* Variations in collectivism and individualism by ingroup and culture: Confirmatory factor analyses // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1996. – N 71. – P. 1037–1054.

²⁸ *Berry J. W.* Multicultural policy in Canada: A social psychological analysis // *Canadian Journal of Behavioral Sciences*. – 1984. – N 16. – P. 353–375; *Reykowski J.* Czy agresja i przemoc to immanentne składniki ludzkiej natury. W: J. Reykowski, T. Bielecki (red.), *Dylematy współczesnej cywilizacji a natura człowieka*. – Poznań: Zysk i S-ka, 1997.

²⁹ *Realo A., Koido K., Celemans E., Allik J.* Three components of individualism // *European Journal of Personality*. – 2002. – N 16. – P. 163–184.

³⁰ *Iyengar S. S., Lepper M. R.* Rethinking the value of choice: A cultural perspective on intrinsic motivation // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1999. – N 76. – P. 349–366.

³¹ *Kim U.* Individualism and collectivism. Conceptual clarification and elaboration. In: U. Kim, C. H. Triandis, C. Kagitcibasi, S-H. Choi, G. Yoon (Eds.), *Individualism and Collectivism*. – Thousand Oaks, London, New Delhi: SAGE Publication, 1994; *Schwartz S. H.* Beyond individualism/collectivism: New cultural dimensions of values. In: U. Kim, H. C. Triandis, C. Kagitcibasi, S. Choi, G. Yoon (Eds.), *Individualism and collectivism; Theory, method, and applications*. – Thousand Oaks, CA: Sage, 1994; *Waterman A. S.* *The psychology of individualism*. – New York: Praeger, 1984.

³² *Schwartz S. H.* Individualism-collectivism. Critique and proposed refinements // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. – 1990. – N 21. – P. 139–157.

³³ *Triandis H. C., Chan D. K., Bhawuk D., Iwao S., Sinha J. B. P.* Multimethod probes of allocentrism and idiocentrism // *International Journal of Psychology*. – 1995. – N 30. – P. 461–480.

³⁴ *Gaertner L., Sedikides C., Graetz K.* In search of self-definition: Motivational primacy of the individual self, motivational primacy of collective self, or contextual primacy? // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1999. – N 76. – P. 5–18.

³⁵ *Duff K. J., Newman L. S.* Individual differences in the spontaneous construal of behavior: Idiocentrism and automatization of the trait inference process // *Social Cognition*. – 1997. – N 15. – P. 217–241.

³⁶ *Reykowski J.* Ukryte założenia normatywne jako osiowy składnik mentalności. W: J. Reykowski, K. Skarżycska, M. Ziółkowski (red.), *Orientacje społeczne jako element mentalności*. – Poznań: Nakom, 1990.

³⁷ *Шматко Н. А., Качанов Ю. Л., Шубина Л. В.* Социальная идентичность и изменение ценностного сознания в кизисном обществе. – М.: Институт социологии РАН, 1992; *Maslach C., Stapp J., Santee R. T.* Individuation: Conceptual analysis and assessment // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1985. – N 49. – P. 729–739; *Reykowski J.* Kolektywizm i indywidualizm jako kategorie opisu zmian społecznych i mentalności // *Przegląd Psychologiczny*. – 1992. – N 35. – P. 147–171; *Skarżyńska K.* Człowiek a polityka. Zarys psychologii politycznej. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2005.

³⁸ *Мухина В. С.* Предисловие // *Механизмы формирования ценностных ориентаций и социальной активности личности*. – М.: МГПИ, 1985. – С. 4–7.

³⁹ *Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984.

- ⁴⁰ Ziller R. Individuation and socialization // *Human Relations*. – 1964. – N 17. – P. 341–360.
- ⁴¹ Tajfel H. Differentiation between social groups: Studies in social psychology of intergroup behavior. – New York: Academic Press, 1978.
- ⁴² Trafimow D., Triandis H. C., Goto S. G. Some tests of the distinction between the private self and the collective self // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1991. – N 60. – P. 649–655.
- ⁴³ Kashima Y. Conceptions of person: Implications in individualism/collectivism research. In: C. Kagitcibasi (Ed.), *Growth and progress in cross-cultural psychology*. – Lisse, The Netherlands: Swets & Zeitlinger, 1987; Mishra R. C. Individualist and collectivist orientations across generation. In: U. Kim, H.C. Triandis, C. Kagitcibasi, S-C. Choi, G. Yoon (Eds.), *Individualism and collectivism. Theory, method, and applications* (Vol. 18). – Thousand Oaks, London, New Delhi: Sage Publication, 1994; Sinha D., Tripathi R. C. Individualism in a collectivist culture: A case of coexistence of opposites. In: U. Kim, H.C. Triandis, C. Kagitcibasi, S. Choi, G. Yoon (Eds.), *Individualism and collectivism: Theory, method, and applications*. – Thousand Oaks, CA: Sage, 1994; Triandis H. C. The self and social behavior in differing cultural contexts // *Psychological Review*. – 1989. – N 96. – P. 506–520.
- ⁴⁴ Szacki J. Liberalizm po komunizmie. – Kraków: Znak, 1994; Walicki A. Isaiaha Berlina intelektualna historia Rosji // *Przegląd Polityczny*. – 2002. – P. 135–150.
- ⁴⁵ Фелдман С. Ценности, идеология и структура политических установок // *Политическая психология: Хрестоматия / Сост. Е. Б. Шестопап*. – М.: Аспект Пресс, 2007; Boski P. O dwóch wymiarach lewicy-prawicy na scenie politycznej i w wartościach politycznych wyborców. W: J. Reykowski (red.), *Wartości i postawy Polaków a zmiany systemowe*. – Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Psychologii PAN, 1993; Hofstede G. Dimensions of national cultures in fifty countries and three regions. W: J. B. Derkgowski, S. Dziurawic, R. C. Annis (Eds.), *Explications in cross-cultural psychology*. – Amsterdam/Lisse: Swets&Zeitlinger, 1983; Hofstede G. *Kultury i organizacje: zaprogramowanie umysłu*. – Warszawa: Polskie Wydawnictwo Ekonomiczne, 2000; Hofstede G. *Culture's consequences. Comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations*. – Thousand Oaks: Sage Publications, 2001.
- ⁴⁶ Triandis H. C. *Culture and social behavior*. – New York: McGraw-Hill, 1994; Triandis H. C. *Individualism and collectivism*. – Boulder, CO: Westview Press, 1995.
- ⁴⁷ Cohen D. Culture, social organization, and patterns of violence // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1998. – N 75. – P. 408–419.
- ⁴⁸ Vandello J. A., Cohen D. Patterns of individualism and collectivism across the United States // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1999. – N 77. – P. 279–292.
- ⁴⁹ Boski P. Humanizm w kulturze i mentalności Polaków. W: B. Wojciszke, M. Jarymowicz (red.), *Psychologia rozumienia zjawisk społecznych*. – Warszawa: PWN, 1999; Brown R. J., Turner J. C. Interpersonal and intergroup behaviour. In: J. C. Turner, H. Giles (Eds.), *Intergroup behaviour*. – Oxford: Basil Blackwell, 1981; Reykowski J. *Zmiany systemowe a mentalność polskiego społeczeństwa*. W: Reykowski J. (red.), *Wartości i postawy Polaków a zmiany systemowe. Szkice z psychologii politycznej*. – Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Psychologii PAN, 1993.
- ⁵⁰ Крамник В. В. Власть и мы: ментальность российской власти – традиции и новации // *Общество и политика. Современные исследования, поиск концепций / Под ред. В. Ю. Большакова*. – СПб.: Изд-во Петерб. ун-та, 2000; Altemeyer B. *Enemies of freedom: Understanding right-wing authoritarianism*. – San Francisco: Jossey-Bass, 1988; Koralewicz J. *Autorytaryzm, lęk, konformizm*. – Wrocław: Ossolineum, 1987; Skarżyńska K., Chmielewski K. *Młodzież a demokracja w Polsce* // *Studia Psychologiczne*. – 1994. – N 35. – P. 47–64; Urban M. *Indywidualistyczne i kolektywistyczne poglądy polityczne młodzieży a przekonania i strategie socjalizacyjne rodziców*. W: U. Jakubowska, K. Skarżyńska (red.), *Demokracja w Polsce – doświadczenie zmian*. – Warszawa: Wydawnictwo SWPS Academica, 2005; Ziółkowski M. *Orientacje indywidualne a system społeczny*. W: J. Reykowski, K. Skarżyńska, M. Ziółkowski (red.), *Orientacje społeczne jako element mentalności*. – Poznań: Nakom, 1990.
- ⁵¹ Bierdajew M. *Filozofia nierówności*. – Kraków: Zdanie, 1981.
- ⁵² Domański H. *Negatywne aspekty indywidualizmu*. W: M. Malikowaki, Z. Serega (red.), *Konflikty społeczne w Polsce w okresie zmian systemowych*. – Rzeszów: Wydawnictwo WSP, 2000.
- ⁵³ McClelland D. C. *The achieving society*. – Princeton, NJ: Van Nostrand, 1961; McClelland D. C. *Human motivation*. – Glenview, IL: Scott, Foresman, 1985; Menton T., Morris M. W., Chiu C-Y., Hong Y-Y.

ИСТОРИЯ, СОЦИОЛОГИЯ

Culture and the construal of agency: Attribution to individual versus group dispositions // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1999. – N 76. – P. 701–717.

⁵⁴ *Ross L., Nisbett P.* Человек и ситуация. – М.: Аспект Пресс, 2000; *Doliński D.* Etyka produktywności. Czy duch kapitalizmu krąży nad Polską? W: B. Wojciszke (red.), *Jacy są Polacy? Badania opinii społecznej jako źródło wiedzy psychologicznej. Kolokwia Psychologiczne (t. 4).* – Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Psychologii PAN, 1995; *Landes D.* Kultura przesądza prawie o wszystkim. W: L. Harrison, S. Huntington (red.), *Kultura ma znaczenie.* – Poznań: Zys i S-ka, 2003; *Tyszka T.* Psychologia zachowań ekonomicznych. – Warszawa: PWN, 1997; *Varga K.* Who gains from achievement motivation training? // *The Journal of Decision Makers*. – 1977. – N 2. – P. 187–200.

⁵⁵ *Дилигенский Г. Г.* Индивидуализм старый и новый. Личность в постсоветском социуме // *Политические исслед.* – 1999. – № 3; *Сибиряков И. В.* Нравственные ценности нового российского либерализма: (Ист. аспект): Автореф. ... д-ра истор. наук. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1998; *Хомяков О. В.* Процессы либерализации общественных отношений в России как фактор изменения социокультурных ценностей личности. – Архангельск: Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2006; *Daab W. Z.* Indywidualizm a poglądy społeczno-polityczne. W: J. Reykowski (red.), *Wartości i postawy Polaków a zmiany systemowe.* – Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Psychologii PAN, 1993; *Hayek H. F.* Individualism and economic order. – Chicago: The University of Chicago Press, 1980.

⁵⁶ *Дейнека О. С.* Экономико-психологические последствия политики переходного периода // *Общество и политика. Современные исследования, поиск концепций / Под ред. В. Ю. Большакова.* – СПб.: Изд-во Петерб. ун-та, 2000; *Осипов П. Н.* Новые социально-экономические условия переходного периода и общественные требования к личности. – Казань: Институт среднего специального образования, 1996.

⁵⁷ *Sallay H., Munnich A., Oppenheimer L.* Self-construal in a changing society // *Studia Iagellonica Humani Cultus Progressus*. – 2001. – N 5. – P. 35–51.

⁵⁸ *Jarymowicz M.* Spostrzeganie własnej indywidualności. – Wrocław: Ossolineum, 1984.

⁵⁹ *Marody M.* Psychologiczne nastawienia w zmieniającej się rzeczywistości. W: M. Marody (red.), *Oswajanie rzeczywistości: między realnym socjalizmem a realną demokracją.* – Warszawa: Instytut Studiów Społecznych, 1996.